

Глава I НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ И СОЖАЛЕНИЕ

— Какой отвратительный год! — обратился Иван Ильич Ильин к супруге Ирине Михайловне. — Чудовищно снежная зима, потом — бесконечно дождливые весна и лето. Все затопило вокруг. Весь наш дачный поселок — да что дачный поселок! — вся Москва в воде. Отпускные деньги почти полностью пришлось потратить на укрепление дренажной системы и ремонт цокольного этажа. Сейчас середина августа, а впечатление такое, что уже глубокая осень.

— Что поделаешь, дорогой, Москва строилась на болоте. Был бы ты успешным — имели бы дачу не в подмосковных Жаворонках, а, как некоторые твои друзья, в Провансе или Тоскане — уже не говорю о Лазурном берегу Франции.

— Ты опять взялась за старую песню. Говорил и говорю — я себя считаю очень даже удачливым человеком. Доктор наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории столичного вуза. Мне 58 — какая-то жизнь еще есть впереди. Живу

в центре города, в старинном престижном доме, в трехкомнатной квартире. Что еще? Да, женат на такой прелестной женщине, как ты. Дети не идиоты, более-менее устроены.

— Погоди-погоди. Ты веришь тому, что говоришь? Или убеждаешь себя, что все именно так? Во-первых, уже который год мы не можем найти денег, чтобы я прошла курс очищения и похудания в Европе, в австрийском Лансерхофе или итальянском Мерино, где третий год лечатся мои подруги Инна и Женья, и поэтому выглядят, как 35-летние. Наш дом, правда, в центре, и квартира просторная; но он престижный по советским меркам. Все обветшало, нет центрального кондиционирования, консьерж-службы, большого холла внизу — уже не говорю о бассейне и сауне. Все наши удачливые соседи — налоговый Баринов, банкир Удальцов, аудитор Счетной палаты Веснин и другие, давно переехали в собственные хоромы на Рублевском направлении или живут в новых прекрасных зданиях. А некоторые вообще уехали из страны. На счет устроенности детей нечего даже и говорить.

— Ирина, дорогая! Хочешь быть стройной и молодежь — мало ешь, не кури, не пей каждый день по бутылке вина.

— Другие своих жен везут на оперный фестиваль в Зальцбург или Верону, ведут светский образ жизни, у них встречи, ужины с друзьями в ресторанах. А кому нужны мы? Вот сегодня суббота. Был хоть один звонок, не считая звонка дочери? Когда мы в последний раз были в гостях или принимали

гостей? Твои аспиранты, члены кафедры и несколько твоих коллег не в счет. Это часть твоей работы. Целый день я дома одна. Хожу только в магазин, иногда иду с тобой к твоей маме. Редкие встречи с какой-нибудь подружкой в «Шоколаднице» или общение по телефону с сестрой. Не о такой жизни я мечтала.

— И виной всему, разумеется, я? Впрочем, Ирочка, ответ мне всегда заранее известен. Еще не поздно. Давай пройдемся к маме и обратно — как раз будет хорошая пешая прогулка. Не зайти к маме я не могу — она тоже дома одна, и каждодневный мой приход, тем более с тобой, для нее праздник.

— Все одно и то же, больше так жить не хочется.

— А что, может, тебе хочется большой любви? Как говорит известный киногоерой, пойдём тогда на сеновал. И так как у нас его нет, придется придумать что-то экстравагантное. Например, дадим объявление в «Московский комсомолец», что профессорская супружеская пара, еще не совсем старая, предлагает обмен с другой супружеской парой. Что хочешь? Между прочим, довольно распространенная вещь.

— Ваня, ты дурак! Я жила до 56 лет, зная только одного скромного мужика. Сейчас, когда давно уже бабушка, должна пойти по рукам, что ли? Мне противны чужие мужики — пузатые и невымытые, с дурным запахом изо рта. Или, может, ты забыл, что между нами уже давно нет физической близости? Я такая полная, что сама себе противна. А ты — потухший вулкан.

— Насчет этого ты в глубоком заблуждении. Известно, что многие потухшие вулканы оживают и извергают лаву с еще большей силой!

— Ой, ой, напугал! Возможно, и оживают вулканы, но только не в твоём случае.

— Разумеется, запах табака и алкоголя, идущий от женщины, жирное тело сумоистки вряд ли к этому располагают.

— Хам, грубиян! Вампир! Ищешь причины в свое оправдание?

— Извини, Ирочка, просто хотел пошутить — по-видимому, получилось не совсем смешно. Ну, прости, прости, милая, если обидел. Давай одевайся, как раз по дороге обсудим вопрос твоего прохождения курса похудения.

«Нехорошо я поступил, — подумал Иван Ильич, идя рядом с женой по влажным улицам Москвы. — Мне ее жаль. В последние годы она сильно поправилась. А ведь Ирина женщина еще не старая. Не следит за собой, любит кушать, выпивать. У нее какая-то нездоровая генетика. Не дай Бог, если это передастся детям!»

— Ирина, хочешь — давай заглянем в «Художественный». Может, посмотрим какой-нибудь нормальный зарубежный фильм. Кстати, давно в кино не были.

— Ваня, этого тоже не хочется. Каждый раз, когда бываем в кинотеатре, я с ужасом отмечаю, что в зале самые старые — мы, не считая нескольких одиноких пожилых женских пар. Неужели наше поколение так рано вымерло? Или по вечерам все сидят дома?

— Что поделаешь, средняя продолжительность жизни россиян, особенно мужчин, самая низкая среди «белых» народов. А если кто-то дожил до семидесяти, то, как правило, почти нищий. С такой пенсией даже билеты в кинотеатр не купишь. С трудом хватает на простую еду. Поэтому мои друзья-преподаватели с ужасом, как приговор к нищете, принимают решение руководства отправить их на пенсию.

— Это все мне знакомо, в институтах Академии еще хуже. Но что делать, если не надеяться на лучшее? К кому мне обратиться, если не к тебе?

— Надо умерить наши потребности, удовлетворяться малым, буддийская мудрость гласит: «Освободись от своих желаний, и придет душевная гармония». Впрочем, увлеклись пустозвоном, ведь мы давно друг друга уже ни в чем не можем убедить.

«А как красиво все начиналось с Ириной! И любовь была, и сильное физическое влечение. Жаль, потом постепенно охладели друг к другу. Не надо винить только ее — может, немаловажную роль сыграло и то, что я увлекся молоденькой лаборанткой моей кафедры, Лаурой. Сначала думал, что меня хватит на обеих, но уже через год с трудом заставлял себя подойти к Ирине. Она смутно начала догадываться, что я трачу силы на другую, внутренне почувствовала мое охлаждение. Что поделать, она меня больше не возбуждает. Да и долгая совместная жизнь, отношение к сексу не как к празднику, а как к части нашего быта, ее вялость, капризы в постели, — все, конечно, сказалось на наших отноше-

ниях. А с Лаурой — совсем другое. Всегда чистая, ухоженная, готова с первого же предложения полностью отдаваться, хоть на столе в кабинете, хоть в кресле машины, выполнять любые мои сексуальные прихоти. Жаль, что она вышла замуж за аспиранта из провинции и скоро родит ребенка. Часто вспоминаю ее тело, запах, напряженное от удовольствия молодое лицо с закрытыми глазами. Се ля ви! Такова жизнь!»

— Что думаешь, Вань? Откуда найдешь деньги на этот чертов курс? Ведь для профессора сентябрь — не самый лучший месяц. Маленький аванс до октябрьской зарплаты.

— Придется у мамы попросить. Потом, что нам этот хренов Лансерхоф? В день на человека, говорят, почти тысяча евро. Альберт Иванович — ты его знаешь — зав. кафедрой социологии, прошел с женой десятидневный курс очищения в Карловых Варах всего за 60 тысяч рублей — и очень даже доволен. Говорят, еще в Карелии очень хорошо, она ничем не уступает зарубежным оздоровительным курортам, в том числе и Карловым Варам.

— Ты сам веришь этим сказкам?

— Почему сказки? Я сам убедился, как отлично выглядит Альберт. А кроме того, вынужден верить, ведь миллионы людей лечатся в более доступных лечебницах. Ирина, давай зайдем в магазин «Армения». Хочу купить лаваш, сыр и мацони. Я знаю, что ты их любишь. Заодно и для мамы возьмем кое-что. Ей особенно нравится армянское варенье из белой черешни с грецким орехом.

* * *

Выйдя из магазина с пакетами и отправившись по Тверскому бульвару вниз, они обратили внимание на шикарную пару, покидающую дорогой модный ресторан «Турандот». Высокая белокурая женщина лет 42—45 с длинной толстой косой пышных светлых волос, в меховой накидке из шиншиллы, надетой поверх черного вечернего платья, на шее — сверкающее в ярком свете уличных фонарей ожерелье из крупных жемчужин, улыбаясь, что-то говорила высокому красивому уверенному в себе мужчине в темном костюме и снежно-белой сорочке с высоким воротником и белой бабочке. Видно было, что звездная пара после ужина идет на какую-то вечеринку или концерт. Иван Ильич с присущей русско-советскому человеку классовой неприязнью («классовая ненависть» осталась в советском прошлом) посмотрел на счастливчиков и хотел пройти мимо, однако лицо мужчины показалось ему знакомым, и он еще раз взглянул на него. Их взгляды встретились, мужчина неожиданно остановился и, улыбнувшись, обратился к нему:

— Иван Ильич, не помните, что ли, меня? Ксения, — сказал он высокой блондинке, — это Иван Ильич. Много лет назад, когда я поступал в медицинский институт, он, тогда еще совсем молодой преподаватель, почти год был моим репетитором по истории отечества для сдачи выпускных экзаменов в школе. Представляешь? Я на выпускном экзамене по истории «отлично» получил, чего не было в моей жизни за все школьные годы.

Иван Ильич сразу вспомнил красивого избалованного юношу, сына известного ученого-академика.

— Да-да, я тоже вспомнил вас. Если я не ошибаюсь, вы Алексей Мальков. Давно я потерял вас из виду, Алексей. Помню вашу матушку, Ольгу Викторовну, — высокую, красивую, интеллигентную женщину. Как она усердно заботилась о вашей учебе! Кстати, как ее здоровье?

— К сожалению, три года назад я потерял маму.

— Очень сожалею.

— Рад был встрече, Иван Ильич. Вряд ли могу быть вам полезен — извиняюсь, я практикующий гинеколог — но если вдруг, мало ли что в этой жизни... Василий! — обратился он к высокому спортивному неулыбчивому мужчине, стоявшему чуть в стороне. — Дайте Ивану Ильичу мою визитку.

* * *

Всю дорогу до дома матери Иван Ильич и его супруга шли молча, погруженные в свои мысли.

— Знаешь, Вань, после встречи с этими людьми я кажусь себе еще больше забытой и потерянной.

— Каждому свое. А кому-то другому, возможно, мы кажемся очень успешными и удачливыми. Так устроена жизнь, и так будет всегда. Люди никогда, ни при каких условиях не могут быть равными во всем. Бог так создал нас.

— Умом понимаю, что это так, но в душе не хочу соглашаться, даже завидую.

— Зависть, дорогая, — тоже нормальное человеческое чувство. Если она тебя подталкивает к со-

вершенству, упорному труду, стремлению к успеху, — это позитивно. А если, как в матушке-России, — к насилию, опущению всех благополучных до нижайшего уровня последнего бедняка, — это трагедия.

Разговаривая, они незаметно дошли до дома матери Ивана Ильича на Малой Бронной. Просторную двухкомнатную квартиру постройки послевоенных лет получил отец Ивана Ильича, начальник отдела Министерства геологии СССР. После его кончины Людмила Васильевна продолжала жить там и отказалась от предложения сына продать квартиру и переселиться к ним. Несмотря на свой преклонный возраст, Людмила Васильевна живо интересовалась происходящим вокруг, следила за новостными программами, читала от корки до корки «Аргументы и факты», «Московский комсомолец» и принимала самое активное участие в деятельности совета подъезда. К тому же она была большой любительницей театра.

— Иван, Ирочка! Почему вы так задержались? Я вас ждала еще днем, а вы пришли только после новостных программ. Давайте вместе посмотрим сериал «Разведчицы». Правда, там много примитивного и артистки на уровне самодеятельности, но в отдельных местах есть, на что посмотреть. Не голодные?

— Нет, мам, чаю попьем. Как раз для тебя принесли армянское варенье из белой черешни с грецким орехом, сыр чанах, лаваш.

— Спасибо, дети. Чайный стол накрыт на кухне. Там посмотрим телевизор.

— Мам, может, выключишь телевизор? У меня к тебе серьезный разговор.

— Если речь опять о продаже квартиры, можешь и не начинать. Сложно, что ли, потерпеть еще несколько лет, пока я уйду в мир иной?

— Нет, мама, речь о другом. Ирине надо лечиться, нужна небольшая сумма — разумеется, в долг.

— А что с тобой случилось, Ирочка?

— Да ничего особенного, это Ваня выдумывает.

— Мам, ей надо пройти курс очищения для похудения.

— Я слышала об этом. Но разве чтобы похудеть, требуется именно лечение? Надо просто рот держать на замке.

— Не надо меня оскорблять, Людмила Васильевна! Вы же знаете, я ем, как ребенок.

— Что-то не замечала. Только, дорогая, не обижайся.

— Мама, в общем, речь идет о сумме где-то в 60 тысяч рублей. У меня тоже есть что-то, но до зарплаты еще две недели.

— Да, сколько нужно.

* * *

Обратную дорогу шли молча, каждый погруженный в свои мысли. И только у дверей квартиры Ирина тихо сказала:

— Ты знаешь, я чувствую себя оскорбленной.

— Глупости. Подожди. Слышишь, не наш ли городской телефон?

Быстро открыв дверь, Иван Ильич успел снять трубку.

— Иван Ильич, это вы? С вами говорит комендант общежития, Петр Васильевич Кокошин.

— Слушаю, Петр Васильевич, в чем дело?

— Хорошо, что я вас застал дома, Иван Ильич. Приехала ваша аспирантка — Ольга Розова из Благовещенска. Ремонт здания еще не закончен, ведь сегодня 18 августа, а мы сдаем только 26-го. Никак девушку пристроить не можем. Может, вы подскажете, как быть?

— Петр Васильевич, что-то такой аспирантки я не припоминаю. Прием в аспирантуру начинается только во второй половине сентября. Дайте, пожалуйста, ей трубку.

— Иван Ильич, здравствуйте, моя фамилия Розова. В июле я была зачислена на целевое место в аспирантуру вашего института по кафедре всеобщей истории. Однако получилось так, что я приехала на две недели раньше — думала познакомиться со столицей.

— Ольга, у вас есть родственники, знакомые в Москве, у которых вы могли бы остановиться на несколько дней?

— К сожалению, у меня никого в Москве нет.

В голосе девушки слышалось столько волнения и тревоги, что Ивану Ильичу стало жаль ее.

— Мне, наверное, придется лететь домой и там переждать эти дни? Но у меня нет денег на обратный билет...

Иван Ильич стоял с трубкой в руках, не зная, как поступить.

— Что случилось, Ваня?

— Да так, Ирина. Приехала из Благовещенска девушка, аспирантка моей кафедры. Общежитие на ремонте, у нее в Москве никаких знакомых или родственников нет. Осталась на улице.

— А если устроиться в гостинице? Впрочем, откуда у девушки из Благовещенска деньги на гостиницу. Но не оставлять же бедняжку на улице! Пусть на несколько дней остановится у нас, а потом что-нибудь придумаем.

— Как-то неудобно — моя аспирантка будет жить у меня дома. Может, попрошу маму?

— Как знаешь. С твоей мамой сам решаешь свои проблемы.

— Ольга, вы слушаете? Подождите в холле общежития. Через двадцать минут — максимум полчаса я буду там.

Машин на дороге было много, и ехать пришлось полчаса. Оставив машину у слабо освещенного входа в общежитие, он вошел в холл. Ремонтные работы были в разгаре. Везде валялся строительный мусор. Какие-то порванные мешки из-под цемента, штукатурные материалы, пакеты, пустые бутылки из-под пива. «Как могут люди такой бытовой культуры делать чистую и качественную работу?» — мелькнуло в голове Ивана Ильича. Навстречу вышел комендант — круглый, добродушный мужчина лет 55, бывший военный.

— Иван Ильич! Мне в общем отделе дали ваш номер телефона, так как девушка сообщила, что приехала именно к вам и никого больше в институте не знает. В здании в своей каморке остается только

сторож, девушку поселить негде. И потом, мы же не виноваты, что она сама приехала раньше срока.

От него несло резким запахом водки, чеснока и пота.

— А где девушка?

— Вон там.

К ним подошла высокая, худенькая, с прямыми светлыми волосами молоденькая девушка в джинсах и стареньком плаще, надетом на свитер темного цвета. Типичная провинциалка или жительница подмосковного пригорода. Таких много толпится по вечерам на автобусных остановках или станциях пригородных поездов. Вместе с тем лицо и большие, полные тревоги и ожидания голубые глаза выдавали интеллигентную и ранимую натуру.

— Простите меня, Иван Ильич. Я и представить не могла, что окажусь в таком положении и придется потревожить вас в столь позднее время.

«Русский “авось”, вдобавок еще непредусмотрительность», — подумал Иван Ильич, следя за выражением лица молоденькой провинциалки.

— Едем. Как вас, Ольга? Что-нибудь придумаем. Ясно, что здесь оставаться невозможно.

«Может, девушку подвезти в какую-нибудь недорогую гостиницу? На Калужской площади есть гостиница Академии наук. Но там самый дешевый номер стоит около двух тысяч рублей, да еще и кушать надо. Нет, бедняга никак не потянет. Единственный выход — это пристроить ее у мамы. Если позвоню, вдруг она откажет? Лучше поставлю ее перед фактом». Девушка как будто поняла, о чем думает Иван Ильич, и тихим, просящим голосом сказала:

— Иван Ильич, мне бы небольшой уголок, я очень непритязательна.

Командант погрузил два небольших чемодана Ольги в багажник автомашины и с чувством выполненного долга пошел продолжать прерванный ужин с прорабом.

— Садитесь, Ольга, поехали.

— Можно сесть рядом с вами? В Москве я впервые, мне очень интересно. Как много машин и людей! Как светло на улице! А ведь поздно, уже почти десять.

— По пятницам и субботам всегда оживленно, и десять вечера для многих заведений — только начало работы.

— Какие счастливые люди живут в столице!

— Боюсь, что через очень короткое время вы так не будете думать.

— Почему?

— Это долгий разговор, и каждый приходит к определенному выводу самостоятельно.

Оставшуюся недолгую дорогу они проехали молча.

— Здесь живет моя мама. Я попрошу ее на некоторое время принять вас.

— Иван Ильич, может, вы пойдете вперед и как-то подготовите ее?

— Пошли-пошли.

Взяв более объемный старенький чемодан, Иван Ильич шагнул в подъезд. С небольшим рюкзаком и чемоданом поменьше Ольга последовала за ним.

Иван Ильич позвонил в дверь.

— Мам, это я.

— Но у тебя же ключ. Потерял, что ли?

— Прости, мама. Это Ольга, аспирантка моей кафедры.

— Да. И что?

— Она приехала немного раньше времени, а общежитие не готово. Родственников и друзей в Москве у нее нет.

— Ясно. Проходите, девушка.

— Мам, может, Ольга захочет поужинать? Пойду что-нибудь куплю в супермаркете.

— Ты уже принес. Думаю, дома что-то найдется для нее. Ваня, ты иди домой, а с девушкой я сама разберусь.

— Да, забыл сказать, Ольга, вот мой номер телефона. Если что, позвоните. А завтра я загляну.

Иван Ильич сделал вид, что не замечает стеснительно-умоляющего взгляда Ольги и вышел из дома. «Бедная девушка! Как ей неловко. Ничего, мама, опытная учительница, добрейшая душа, быстро найдет подход к ней».

— Так быстро? — спросила Ирина, когда он вернулся домой.

— Да, девушка у мамы. По-видимому, ей придется оставаться там около двух недель.

— Культурный человек не доставит неудобства другим, тем более абсолютно чужим людям. А ты хоть спросил, есть ли у девушки деньги? Вдруг она вообще без гроша?

— Кажется, что-то у нее есть. Завтра спрошу.

Спал Иван Ильич беспокойно, перед глазами все время стояли жалкая улыбка и смущенный взгляд больших голубых глаз молоденькой провинциалки.

* * *

Утром, как обычно в 7.30, Иван Ильич уже был на ногах, сделал небольшую утреннюю физзарядку, принял душ, побрился, легко перекусил и пошел в кабинет поработать. Был тихий воскресный день, ожидалась хорошая погода. В десять он позвонил матери:

— Мама, как спалось? Хочу зайти в супермаркет и купить для вас немного еды. Что бы вы хотели?

— Не беспокойся, Ваня, я сейчас тороплюсь, веду Ольгу в парикмахерскую, как-никак скоро начало учебного года. А потом мы пройдемся по магазинам. Может, платьице куплю для девушки. У бедняжки нет ничего приличного надеть.

— Мам, а где она? Неудобно как-то при ней говорить об этом.

— Она спустилась за молоком и хлебом, минут через десять уже будет здесь. Днем мы пообедаем в каком-нибудь кафе, а вечером пойдем в кино или в театр. Так что займитесь своими делами. Ты знаешь, Ваня, вчера мы допоздна разговаривали с ней, она очень даже смышленная и добрая девушка. Во всяком случае, она мне понравилась, ведь как-никак я больше сорока лет работала с молодежью и людей могу распознать сразу. В жизни девушке не очень повезло. Отец, капитан рыболовного суд-

на, погиб в молодом возрасте. Она живет с матерью, сводным братом и отчимом, полностью полагается на себя, зато отличница. Школу окончила с золотой медалью, институт с красным дипломом, перворазрядница по художественной гимнастике, увлекается вокалом и окончила еще восьмилетку музыкальной школы. Ну понятно, что провинциальные школы — провинциальное образование, но тем не менее девушка старательная, думает о завтрашнем дне. Так вот, Иван, вашей кафедре повезло с такой аспиранткой.

— Мам, ни к чему лишние траты, она скоро устроится в общежитие, и ей назначат стипендию.

— Сколько?

— Пять тысяч рублей.

— Ваня, как может человек, да еще молодая девушка, жить на такие деньги?

— Мам, это не проблема кафедры, наша родная власть назначает такие стипендии, видимо, полагая, что молодым помогут родные.

— Это не тот случай. Ее родные сами с трудом сводят концы с концами. Отчим — демобилизованный подполковник, к тому же он выпивает, мама — воспитательница детского сада. Просто выживают, по-другому не скажешь.

— Сколько проблем принесла эта девушка всего за полсуток.

— Не гневи Бога, Ваня, люди на то и люди, что должны помогать друг другу. Все, Ольга пришла, вечером позвоню или ты сам набери.

Иван Ильич повесил трубку и начал расхаживать по комнате. Вот сюрприз! А впрочем, чему

удивляться? В маме столько нерастраченной доброты, жажды быть полезной кому-нибудь, заботиться о ком-то, вечная тоска от одиночества. И тут появился человек, которому она может помочь, который оживит ее одинокую жизнь.

— Ирина, вставай, уже одиннадцатый час. Почему закрылась в своей спальне? Давай детей пригласим на поздний завтрак. Я сам приготовлю омлет с овощами наподобие «Бенедикта», что дают в итальянских ресторанах. Ирина, почему молчишь? Что-нибудь случилось? Открой дверь.

— Я хочу спать.

— Голос у тебя какой-то странный. Открой дверь. Может, нужна помощь?

— Дай спать, не открою.

Удивленный Иван Ильич отошел от двери спальни жены и начал строить догадки, что с ней может быть. Такого еще не бывало. Много раз после бурных объяснений, ссор, которые обычно на ровном месте сама Ирина и устраивала, она закрывалась в спальне и выходила только к полудню и то, чтобы пойти в туалет или в душ. Иван Ильич понимал, что она недовольна своей жизнью. Она недавно вышла на пенсию после долгих лет скучной и малооплачиваемой работы в одном из НИИ Академии наук и думала, что теперь найдет время заниматься хозяйством, семьей, будет посещать музеи, выставки, читать интересную литературу, общаться с родными. Однако вышло иначе. Она перестала следить за собой, вставала поздно, не успевала ничего делать, иногда даже какой-то простенький обед

приготовить. В таких случаях она звонила Ивану Ильичу и просила его пообедать в столовой института и по дороге захватить из супермаркета пиццу или другую готовую еду. Возвращаясь домой, Иван Ильич обнаруживал, что от нее пахнет вином и табаком.

Бывали и более светлые дни, когда как будто все налаживалось, приходили сын и дочь с внучками. Дом оживал, наполнялся шумом и детскими звонкими голосами. Ирина играла на пианино их любимые романсы, дочь и Иван Ильич подпевали. Когда Ирина пела, она полностью преображалась: появлялась женственность, изменялись черты лица, даже выражение и цвет глаз. В эти минуты он вспоминал свою юную Ирочку, тонкую хохотушку, нежную и ранимую.

Что сломалось в их жизни? И когда это случилось? Может, причиной всему был роман с Лаурой? Даже трудно назвать это романом, просто захватывающая эротика, вседозволенность, поиск новых, не известных ранее сексуальных удовольствий. С этой молоденькой 22-летней девушкой Иван Ильич чувствовал себя сексуальным монстром, неумным любовником. Они почти не говорили, быстро раздевались и предавались неудержимому сексу. Иван Ильич всячески себя контролировал, чтобы девушка случайно не забеременела. Ему было ясно, что она под угрозой скандала потребует серьезную материальную компенсацию. Лаура намекала, что в таком случае она хотела бы или одно-двухкомнатную квартиру в новостройке, или квартиру его мате-

ри, куда несколько раз по поручению Ивана Ильича доставляла лекарства или продукты.

Квартирный вопрос для Лауры особенно обострился, когда ее родители развелись. Матери Лауры, исключительно неприятной женщине, без особого образования и профессии, занятой мелкоаферными схемами зарабатывания денег, не исключая и интимные услуги, досталась ветхая деревянная дача в районе труднодоступного поселка фабричного города Фрязино. Проблема, где жить и как добираться до работы, особо остро встала перед Лаурой после окончания вуза. За полгода до выпускных экзаменов Иван Ильич устроил ее в общежитие, но после — оставлять ее там уже стало невозможно.

Разумеется, Иван Ильич не мог устраниться от решения этой проблемы и по настойчивой просьбе Лауры, после долгих колебаний, решился встретиться с ее матерью. Мама Лауры, женщина около сорока, невысокого роста, крепко сбитая, с блуждающим маловыразительным взглядом, не обремененная постоянной работой, жила на даче вместе со своей матерью. Встреча состоялась в одном из скромных кафе в другом конце города, подальше от знакомых глаз. Ему было крайне неловко, что он, тогда 56-летний профессор, отец взрослых детей и уже дедушка, откровенно выставляет не совсем приглядную сторону своей жизни перед чужим человеком — хоть и матерью своей молодой любовницы. Они пришли к согласию, что Иван Ильич снимает для Лауры